

УДК 271.2

А. Г. Иценко, кандидат философских наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 246 27 56, alex_its81@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА П. Я. СВЕТЛОВА*

В статье представлено продолжение историко-психологического и философско-религиоведческого анализа религиозно-философских воззрений профессора Киевского императорского университета святого Владимира, доктора богословия, профессора П. Я. Светлова. Опираясь на целый корпус религиозно-философских трудов профессора П. Я. Светлова, а также вводя в научный оборот не известные широкому научному сообществу работы и архивные материалы, автор продолжает раскрывать различные аспекты проблематики психологии религии, затрагиваемые мыслителем. Авторский акцент сделан на дискуссии между П. Я. Светловым и профессором Московской духовной академии П. П. Соколовым в рамках проблемного поля на стыке зоопсихологии и религиозно-философской антропологии. Изучение творческого наследия профессора Павла Светлова показывает, что, несмотря на дискуссионность и неоднозначность многих его воззрений, в истории психологии религии этот российский представитель духовно-академической философии оставил заметный след.

Ключевые слова: профессор Павел Светлов; религиоведение; российская психология религии; история психологии; христианская психология; теология.

Библиогр.: 19 назв.

A. G. Itsenko, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy,
the Republic of Belarus, +375 (29) 246 27 56, alex_its81@mail.ru

PSYCHOLOGY OF RELIGION IN THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL HERITAGE OF PROFESSOR P. Ya. SVETLOV

The article presents a continuation of the historical-psychological and philosophical-religious analysis of the religious-philosophical views of Professor P. Ya. Svetlov, the professor of the Kyiv Imperial University of St. Vladimir, Doctor of Theology. Relying on the whole corpus of philosophical and religious works of Professor P. Ya. Svetlov, as well as introducing into scientific circulation works and archival materials unknown to the wide scientific community, the author continues to reveal various aspects of the problems of the psychology of religion touched upon by the thinker. The author's emphasis is on the discussion between P. Ya. Svetlov and Professor of the Moscow Theological Academy P. P. Sokolov within the framework of the problem field at the intersection of zoopsychology and religious-philosophical anthropology. The study of the creative heritage of Professor Pavel Svetlov shows that despite the debatability and ambiguity of many of his views, this Russian representative of spiritual and academic philosophy left a noticeable mark in the history of the psychology of religion.

Key words: professor Pavel Svetlov; religious studies; Russian religion psychology; psychology history; Christian psychology; theology.

Ref.: 19 titles.

Введение. В первой части исследования, посвященного рассмотрению проблематики психологии религии в религиозно-философских воззрениях профессора П. Я. Светлова [1], представлена короткая характеристика его творческого наследия, запечатлённого в текстах различных жанровых форм, перечислены его работы в данном проблемном поле, а также дан общий абрис идей мыслителя (в большей степени исследовательский акцент сделан на одной из его работ, посвящённой религиозно-философскому анализу феномена мистицизма XIX века и выявлению его психологической сущности). При этом другие работы мыслителя не нашли скрупулёзного аналитического отражения, следовательно, представляется целесообразным сфокусироваться на анализе других работ (в том числе не известных широкой научной общественности в силу того, что они не были опубликованы ни при жизни профессора, ни после его смерти), где в большей или меньшей степени просматриваются тематические блоки, так или иначе пересекающиеся с проблемами психологии религии: геронтология, зоопсихология, суицидология и т. п.

Материалы и методы исследования. Опорными источниками исследования явились, во-первых, труды самого профессора П. Я. Светлова (религиозно-философские, богословско-апологетические), во-вторых, работы современников мыслителя, в которых так или иначе упоминаются идеи из области психологии религии, принадлежащие П. Я. Светлову. В качестве методологических подходов и методов исследования выступили историко-философский подход, герменевтический метод (герменевтический круг, герменевтический треугольник), а также историко-генетический и критико-аналитический подходы, позволившие вскрыть и реконструировать смысловые линии психологии религии в корпусе текстов профессора Павла Светлова, не нарушая общенаучных принципов историзма и объективности.

Результаты исследования и их обсуждение. Прежде всего в целях корректной и адекватной реконструкции и интерпретации идей П. Я. Светлова в рамках исследуемой области нужно напомнить: мыслитель имел степень доктора богословия, следовательно, в своих религиозно-философских антропологических построениях концептуально исходил из парадигмы христианского теизма при попытке учёта достижения современной ему медицины и психологической науки, не только российской, но и мировой, что явствует из многочисленных ссылок на самых разных российских и зарубежных учёных. При этом следует указать, что при общей ориентации на духовно-академическую теологическую линию профессор П. Я. Светлов во многом выражал оригинальный подход к традиционным богословско-философским проблемам. По воспоминаниям современника и друга семьи Светловых И. Н. Уловича, имело место «недоброжелательное и презрительное отношение церковной иерархии и ортодоксального богословия к свободомыслию и независимости богословствования»** П. Я. Светлова, а также отчуждённость от «официальных церковных изданий», что приносило ему «много неприятностей и огорчений» [2, л. 7].

Небезынтересным в исследовательском плане является работа П. Я. Светлова «Человек и животное в психическом отношении» (1892) [3]. В ней профессор пытается проанализировать последние открытия в области зоопсихологии и рассмотреть их в апологетическом свете православной христианской антропологии. По сути, это попытка оправдания высокого статуса человеческой личности. П. Я. Светлов ссылается на современных ему франкоязычных и немецкоязычных ученых-психологов (М.-Ж.-П. Флуранса, В. Вундта, Ф. А. Шнайдера, Ж. Бюффона, Р. Реомюра и т. д.). Автор допускает, опираясь на некоторые наблюдаемые зоопсихологами факты, апелляцию к сакральным христианским текстам и патристическую традицию (в частности, экзегетику Василия Кесарийского, Григория Двоеслова), что животные также обладают душой (хоть и «существенно отличается от души человеческой»), некоторыми зачатками ума, при этом категорически отвергая картезианскую позицию. Душа животного, продолжает мыслитель, ограничивается «простейшими психическими актами чувствования, желания, сознания, памяти, далеко не исчерпывающими психического богатства человека» [3, с. 374]. Среди прочего автор также утверждал, что «язык остается общепризнанною границею между человеком и животным...», «непроходимую границей» [3, с. 398]. Касательно принципиальной и существенной отличительной черты, мыслитель писал, что она заключается «в разуме... свободе, в религии», при этом под разумом понимал «не логическую способность, познавательную — рассудок, но способность высшего знания, предметом которого служит высший духовный мир...» [3, с. 374].

В связи с указанной работой П. Я. Светлова разгорелась достаточно острая и принципиальная дискуссия его с известным интеллектуалом-теологом, профессором психологии Московской духовной академии П. П. Соколовым (1863—1923) [4; 5]. Профессор П. П. Соколов, отмечая важность тематического направления, всё же пишет, что работа Светлова «не может заполнить никакого пробела ни в науке вообще, ни даже в русской науке»; не стесняясь в выражениях, Соколов прямо указывает, что работа «принадлежит перу дилетанта, лишённого специальной подготовки и, по-видимому, пишущего по таким вопросам в первый раз. Если мы решились подвергнуть ее разбору, то для этого существовала еще другая причина кроме чисто научной: брошюра имеет апологетический интерес...» [4, с. 598]. При этом несколько оправдывая П. Я. Светлова, профессор П. П. Соколов указывает на то, что в российском апологе-

** Однако даже при этом положении дел авторитет П. Я. Светлова как учёного-теолога признавался на самом высоком уровне. Так, его труд «Христианское вероучение в апологетическом изложении» (1896) был оценён самим католикосом-патриархом Грузии Каллистратом (Цинцадзе) (1866—1952), который просил профессора прислать ему указанную работу, а после даже поддерживал семью Светловых финансово [2, л. 5 об.].

тическом пространстве в целом ситуация обстоит достаточно печально. Православные теологи в «решении научных вопросов выступают как безоружные дилетанты», поскольку «лишены естественнонаучного образования», от «недостатка специальных знаний», ведь из всех духовных академий только в Московской есть кафедра естественнонаучной апологетики, да и та «имеет лишь полуофициальное существование» и не может решить проблему [4, с. 610—611]. В конце работы критик даже снисходительно отмечает удачные стороны рецензируемой работы: «Она написана самостоятельно, очень последовательно и в большинстве случаев ясно. Некоторые положения развиты в ней с основательностью и проницательностью...» [4, с. 610]. В своём ответе на критику П. Я. Светлов издаёт брошюру, в которой планомерно и последовательно отвечает на конкретные критические замечания оппонента.

По существу, помимо частных расхождений позиций оппонентов, дискуссионная точка несогласия фиксировалась в методологической плоскости: с позиции какой объяснительной концепции интерпретировать факты, зафиксированные учёными зоопсихологами. «Знание фактов, — справедливо отмечает профессор П. Я. Светлов, — не гарантирует само по себе от ошибок; необходимо их понимание, объяснение; но оно, что доказывают и примеры, лежит вне компетенции зоологии, и принадлежит области философской, поскольку здесь имеется дело с объектами психологии (ум, воля, свобода, инстинкт и проч.). Примером обычных ошибок может здесь служить смешение инстинкта и ума или сведение первого к последнему...» [3, с. 378]. Именно недостаток компетентности некоторых учёных-«натуралистов» в философско-методологической области не даёт им возможности произвести действительно научный и объективный анализ наблюдаемых феноменов и адекватно их интерпретировать. Профессор же П. П. Соколов утверждает, что «данный вопрос имеет совершенно эмпирический характер», решение вопроса «получит научную ценность только тогда, когда будет основываться на тщательном и всестороннем исследовании фактов» [4, с. 600]. Можно сказать, что оба диспутанта исходили из противоположных эпистемологических концепций: интерналистской с её кумулятивным подходом (П. П. Соколов) и экстерналистской (П. Я. Светлов), в соответствии с которой одного накопления фактов для понимания изучаемой реальности недостаточно.

Следует упомянуть, что профессор П. П. Соколов, как и П. Я. Светлов, имел классическое богословское образование: закончил Московскую духовную академию (защитил степень кандидата богословия), его специализацией являлась психология религии [6]. Так, темой магистерской диссертации П. П. Соколова была «Вера. Психологический этюд» (1906). Имелись у профессора работы как психолого-концептуального («О задачах и методах психологии», 1890) [7], так и методологического характера («Проблема веры с точки зрения психологии и теории познания», 1906) [8]. Свою преподавательскую деятельность П. П. Соколов осуществлял как в Московской духовной академии, так и в Московском государственном университете, являлся участником крупных международных форумов (IV Международный психологический конгресс в Париже), постоянным автором авторитетного журнала «Вопросы философии и психологии» [9, с. 477]. Всё это свидетельствует о высоком уровне этой конкретной дискуссии и о значении, придаваемом психологии религии в дореволюционный период.

Важным направлением исследовательского интереса профессора П. Светлова являлись геронтологические изыскания, в рамках которых вскрывались мыслителем как богословско-антропологические, так и психолого-медицинские аспекты проблемы. Целый ряд его рефлексий изложен в неопубликованной рукописи «Старческий возраст в воззрении медицинской науки (к христианской апологии старости)» (работа написана в сентябре 1925 года в Киеве) [10], а также отдельные мысли прослеживаются в работе «Афоризмы или мысли верующего» [11]. Автор указывает, что эта тематика занимает у него «много мыслей», а более детально он разрабатывает эту проблему в рамках подготовки IX тома «Афоризмы или мысли верующего обо всём и для всех» своего собрания сочинений. Названия разделов свидетельствуют о специфике подхода и направлениях в указанном поле: «Что такое старость среди других возрастов сред человеческой группы?», «Старость с христианской точки зрения», «Обязанность почтения к старости», «Память в старости», «Детство и старость», «Старость и молодость», «Гоголь, Тургенев и Гончаров о старости», «Самоотречение в старости», «Падение духовных сил в старости». Исходной диспозицией П. Я. Светлова в этом вопросе является «апология старости» и неприятие им той мысли, что старость — «разрушение и конец жизни». Именно старость располагает к «спокойному (объективному)» восприятию реальности «в свете холодного рассудка без иллюзий чувства». При этом нельзя противопоставлять, например, старость и юность, ведь духовный опыт переживания «незабвенной юности» проходит через тождество личности «в качестве нераздельной части целого», при этом мыслитель констатирует, что «у каждого возраста есть свои достоинства и свои недостатки». Профес-

сор Светлов задается вопросом: обоснованно ли полагать, что старость является более ущербным периодом развития личности (как «крушение человеческой жизни») и «имеет ли санкцию» медицина и её данные быть последним аргументом? Хотя медицина и понимает старость как «разрушение всего организма и в том числе органа психической жизни мозга», следует различать «нормальную и ненормальную» старость, поскольку, как пишет мыслитель, последняя с её «старческим слабоумием (*dementiasenilis*)» — не всегда закономерный итог жизни, так как состояние человека в старости зависит от самого человека [10, л. 121 об.]. Опираясь на работы шотландского психиатра профессора Т. С. Клаустона («Гигиена духа», 1913) и используя данные профессора С. С. Корсакова («Курс психиатрии», 1901), П. Я. Светлов отмечает, что если бы человек жил в благоприятных социальных условиях, вёл размеренный образ жизни и обладал бы хорошей наследственностью и т. д. («1) наследственная неустойчивость мозга; 2) эксцессы *Voscho* (пьянство) et *Venere* (половые излишества); 3) отсутствие мозговой работы; 4) сильные душевные потрясения; 5) тяжелые болезни...»), то старость представляла бы собой «не болезненный процесс, а чисто физиологический процесс истощения» [10, л. 122].

Большой проблемой, ставящей положение старости в социальном пространстве в уязвимое положение, по мнению П. Я. Светлова, являются духовные причины деградации общественной нравственности, вошедшие в жизнь социума новой реальностью послереволюционной России. Прежде всего это «педократия» — «господство младших над старшими, возведённое в правило», что прерывает культурный континуум, затрудняет передачу социально-культурного опыта от старших младшим и, как следствие, приводит к «полному разрушению политической, экономической и культурной жизни страны» [10, л. 128 об.]. Можно сказать, что профессор Светлов показывает, как сильно взаимосвязаны социокультурная, политико-экономическая и биологическая составляющие жизни человека.

В рамках рассмотрения роли и значения автоматизма в психической жизни личности профессор П. Я. Светлов также вспоминает проблемы старости. Мыслитель пишет: «В результате автоматизма в душевной жизни тело часто делается из орудия духа западней его, особенно в старости, при ослаблении физиологических функций организма и воли человеческой. Автоматизм заключается в бесконтрольности со стороны духа за своими ощущениями и реакциями. Автоматизм имеет важное значение в психической жизни, в том числе и как средство сохранения психической энергии и облегчения ее действия...» [10]. То есть, мыслитель, опираясь на религиозно-антропологическое учение о грехе, фиксирует, что автоматизм, который имеет конструктивный потенциал, в реальности духовной испорченности человеческой природы не только не имеет возможности актуализироваться, но (особенно в старости) «делается проклятием и несчастьем» для личности [11].

Размышляя над феноменами памяти, её роли в процессе протекания старости и возможности появления депрессивных и подавленных состояний личности, П. Я. Светлов сравнивает старость и юношеский возраст. В этом контексте мыслитель указывает: «Что мечты в юности, то воспоминания в старости. Где в юности мечтают, там в старость вспоминают» [12, л. 169]. И эта чрезмерная сосредоточенность на воспоминаниях может иметь как конструктивное, так и деструктивное влияние на личность: «В поисках утешения человек в старости часто замыкается в себе, уходя в воспоминания. Но не следует чрезмерно предаваться этому эгоистическому обособлению от окружающей жизни» [11]. Такая чрезмерная установка в жизненную ретроспективу блокирует конструктивную функцию воспоминаний, замыкая человека в своей самости и ведя его к экзистенциальному отчуждению, поэтому, как полагает профессор Светлов, необходимо культивировать установку на Другого, опираясь на ресурс такого феномена человеческой личности, как любовь. «Не лучше ли, наоборот, найти повторение своего прошлого в другой молодой жизни? Разве в других не повторяется в сущности то, что было твоим и чем был ты? Зачем обособляться? Не лучше ли для тебя самого любовью сливаться с другими?» — задаётся риторическими вопросами мыслитель [11].

Будучи сам носителем религиозного мировоззрения, П. Я. Светлов обращает внимание на тематику соотношения динамики религиозной веры в мировоззренческой структуре личности в старческом возрасте. В результате своих философских рефлексий мыслитель приходит к идее «благоприятного влияния на веру старческого возраста»; он заключает: «К старости религиозная вера вообще... не только не ослабевает, но, наоборот, крепнет, так что возвращение к вере в старости среди неверующих обычное явление», понимая это как «преимущество старости перед молодостью в области духовной». При этом П. Я. Светлов категорически не принимает аргумент оппонентов «материалистов и поклонников культа физической красоты и силы» к старческой деменции и анатомической деградации, «размягчению мозга, страху смерти, трусостью» и т. д., объясняя это исключительно «психоло-

гией старческого возраста, житейским опытом зрелой старости, на грани вечности». В этом тезисе он апеллирует к знаменитому британскому учёному XIX века, основателю электрохимии Гемфри Дэви, которого цитирует: «Религия переживает все земные радости, её сила возрастает в то время, как органы стареют» [13, л. 19—20 об.].

Особой проблемой, над которой размышляет профессор П. Я. Светлов, была проблема суицидальности. Следует сказать, что вопросы психологического объяснения юношеской суицидальности волновали многие умы русских учёных. Так, в 1913 году в Киеве выходит книга известного русского психиатра, профессора Киевского университета И. А. Сикорского «Психологическая борьба с самоубийством в юные годы» [14]. В этом труде профессор отмечает: «Самоубийства, в нашем отечестве, увеличились до чрезвычайной степени, вопреки естественному, установившемуся потоку статистических событий. Не только общая сумма этого тяжелого бедствия стала чрезмерной, но возросли и отдельные части — особенно самоубийства женщин и лиц юного возраста» [14, с. 3]. В киевских интеллектуальных кругах эта работа возымела свой отклик, пишет на неё свой отзыв и П. Я. Светлов [15]. Однако последний задолго до И. А. Сикорского (еще в 1896 году) поднимает данную проблему в статье «Христианского чтения» (публикация была вызвана конкретным случаем суицида студента в Нежинском историко-филологическом институте князя Безбородько) [16], в которой он высказывает идею о связи духовно-нравственного и психологических аспектов развития личности. Мыслитель отбрасывает идею, согласно которой причиной суицидов является «господство пессимистических, мрачных воззрений на жизнь», вызванных «сложностью, напряженностью и изнурительностью» современной ему жизни, поскольку на всех этапах истории жизнь была сложной. Но такое объяснение суицида, по мнению П. Я. Светлова, походит на оправдание его «как явления естественного, неизбежного» и в некоторой степени является смещением причины самоубийств с внутренних на внешние обстоятельства, тем самым лишая личность свободы воли и нивелируя ответственность, как базовые человеческие категории [16, с. 338—339]. Истинная причина суицидальности лежит в аксиологической плоскости и заключается в смещении ценностных ориентаций личности с духовных на материальные, имеет место «узкое мирозерцание, окрашенное материализмом». И тогда человек, перед которым остро встают жизненные проблемы, не находя в материальном мире удовлетворения, решается на самоубийство. Только трансцендируя свои экзистенциальные цели за границы материального, личность может обеспечить себе опору, которая сможет уберечь от суицида. Такую опору, по П. Я. Светлову, может обеспечить только религия: «Человек... только в религии всегда находит себе твёрдую опору в жизни, силу жить, вынести жизнь, как долг...» [16, с. 340]. Своей позицией в этой области профессор Светлов чем-то близок к экзистенциальному направлению В. Франкла, который также в религии видел источник жизненных смыслов.

Теме соотношения религии и науки на примере рассмотрения проблемы чуда (исцеления человека) и его интерпретации в рамках психологии посвящены публикации профессора Светлова на тему «Излечения психическим влиянием и чудесные исцеления: библейско-апологетический очерк» [17; 18]. Здесь П. Я. Светлов представил размышления по поводу заинтересованности российской интеллектуальной элитой работой французского психиатра Ж. М. Шарко «Исцеление верою». По мнению мыслителя, с одной стороны, «по свидетельству опыта, целебная сила психического влияния большей частью и всего лучше вызывается в больных на почве религиозной веры, религиозно-нравственным воздействием на верующую душу больного...» [17, с. 598], а поэтому не следует «отрицать, что бывают выздоровления обязанные одному воображению» [18, с. 59]; с другой — нельзя полностью исключать необъяснимого наукой сверхъестественного влияния не только на духовную, но и физическую природу человека, «где... исцеление совершается не верою, но за веру». И медицина, утверждает мыслитель, не может опровергнуть такие случаи, у неё нет на это научных «средств», поскольку они находятся вне её компетенции [18, с. 60].

В ответ на общественную и внутринаучную заинтересованность «таинственными явлениями духовной жизни» (спиритизмом, «гипнотизмом со всеми его загадочными феноменами, как внушение в особенности, сомнамбулизм, чтением мыслей» [19, с. 3—4], «пророческими снами») профессор Светлов пишет работу апологетического характера «Пророческие и вещие сны. Апологетическое исследование в области библейской психологии» (1892) [19]. Ссылаясь на немецких учёных Л. Штрюмпеля и Э.-Э. Шпитта, автор отмечает, что делать вывод об опровержении наукой (онейрологией) так называемых пророческих сновидений слишком рано, поскольку точными данными она ещё не располагает. По мнению мыслителя, «"научное положение", что вера в сны есть суеверие,

в свою очередь, есть суеверие в полном смысле слова, ничем не доказанный предрассудок, мнение, которое наука не подвергает и не может подвергнуть беспристрастному обследованию» [19, с. 209]. Ссылаясь на работу упомянутого Людвига Штрюмпеля («Die Natur und Entstehung der Träume», 1874), профессор Светлов прямо фиксирует «незначительность компетенции науки современной в области онирологии, пока ещё почти необследованной» [19, с. 211].

Заключение. С учётом вышеизложенного следует сказать, что П. Я. Светлов достаточно глубоко ориентировался в самых различных современных ему научных областях: от философии и теологии до психологии и медицины. Среди прочего мы видим, как профессор П. Я. Светлов, как представитель религиозной интеллектуальной мысли пытается, с одной стороны, остаться на концептуальных положениях своей религиозной традиции и её мировоззренческих богословско-философских позициях, с другой — не игнорировать последние современные открытия и тренды психологии, физиологии и других наук с целью гармонизировать богословие и науку и показать принципиальную возможность их сосуществования. В этом контексте достаточно оригинальными являются идеи мыслителя касательно психических особенностей человека и животных, психологии старческого возрастного периода, причин суицидальности и т. д.

Во многих работах профессора П. Я. Светлова красной нитью проходит проблема достоинства человека, существенными качественными категориями которого выступают свобода воли, ответственность, разумное целеполагание и ориентация на смысл. П. Я. Светлов предлагает решение проблемы абсурда и самоубийства, которую чуть позже поставит представитель атеистического экзистенциализма А. Камю путём вынесения смысла человеческой экзистенции в поле трансцендентного.

Список цитированных источников

1. *Иценко, А. Г.* Психология религии в религиозно-философском наследии профессора П. Я. Светлова / А. Г. Иценко // Вестн. БарГУ. Сер. «Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки (литературоведение)». — 2022. — № 1 (11). — С. 58—64.
2. *Улович, И. Н.* Воспоминания о П. Я. Светлове / И. Н. Улович // Рос. гос. архив лит. и искусства. — Ф. 3131. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—12 об.
3. *Светлов, П. Я.* Человек и животное в психическом отношении / П. Я. Светлов // Вера и разум : журн. богосл.-филос. Отд. филос. — 1892. — Т. II, ч. II. — С. 371—398.
4. *Соколов, П. П.* К вопросу о психологическом отношении человека и животных [Рец. на:] Светлов П. Я., свящ. Человек и животное в психическом отношении / Отд. отг. из журн. «Вера и разум». — Харьков, 1892 / П. П. Соколов // Богосл. вестн. — 1893. — Т. 1, № 3. — С. 597—611.
5. *Светлов, П. Я.* Образчик плохой услуги «Православной апологетике и чистой науке» в ст. П. Соколова: «К вопросу о психологическом отношении человека и животных»: критич. заметка по поводу брош. свящ. П. Светлова: «Человек и животное в психологическом отношении». — Харьков, 1892 г. (Богосл. вестн. 1893 г. кн. 3): (Ответ авт.) / П. Я. Светлов. — Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1893. — 35 с.
6. Московские профессора XVIII — начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки / В. А. Волков, М. В. Куликова, В. С. Логинов. — М. : Янус-Москов. учеб., 2006. — 299 с.
7. *Соколов, П. П.* О задачах и методах психологии : [Пробная лекция] / П. П. Соколов // Прибавления к Творениям св. Отцов. — 1890. — № 45, кн. 2. — С. 316—340.
8. *Соколов, П. П.* Проблема веры с точки зрения психологии и теории познания : [Речь перед защитой магист. дис. (Вера. Психологический этюд. М., 1902)] / П. П. Соколов // Богосл. вестн. — 1906. — № 6, кн. 2. — С. 270—301.
9. Психология религии в России XIX — начала XXI века / К. М. Антонов [и др.] ; ред.-сост. К. М. Антонов. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2019. — 534 с.
10. *Светлов, П. Я.* Старческий возраст в воззрении медицинской науки (к христианской апологии старости) / П. Я. Светлова // РГАЛИ. — Ф. 3131. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 121—129.
11. *Светлов, П. Я.* Афоризмы и мысли верующего [Электронный режим] / П. Я. Светлов // Журн. Моск. Патриархии. — 1993. — № 7. — С. 113—118. — Режим доступа: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/16642/94860/>. — Дата доступа: 10.05.2023.
12. *Светлов, П. Я.* Собрание сочинений : в 9 т. Т. IX : Афоризмы и мысли верующего обо всём и для всех. № 2461—2500 / П. Я. Светлов // РГАЛИ. — Ф. 3131. Оп. 1. Д. 14. Л. 1—169.
13. *Светлов, П. Я.* Условие веры в бессмертие или о том, что нужно для веры в бессмертие / П. Я. Светлов // РГАЛИ. — Ф. 3131. Оп. 1. Д. 9. Л. 8—29.
14. *Сикорский, И. А.* Психологическая борьба с самоубийством в юные годы / И. А. Сикорский. — Киев : Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1913. — 44 с.

15. *Светлов, П. Я.* Верное лекарство от самоубийства (По поводу брош. проф. И. А. Сикорского «Психологическая борьба с самоубийством в юные годы») / П. П. Соколов. — Киев : Тип. Ун-та св. Владимира Акц. о-ва печ. и изд. дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1913. — 7 с.
16. *Светлов, П. Я.* О самоубийстве / П. Я. Светлов // Христ. чтение. — 1897. — № 2. — С. 337—345.
17. *Светлов, П. Я.* Излечения психическим влиянием и чудесные исцеления : библ.-апологет. очерк / П. Я. Светлов // Христ. чтение. — 1896. — № 5—6. — С. 753—604.
18. *Светлов, П. Я.* Излечения психическим влиянием и чудесные исцеления : библ.-апологет. очерк / П. Я. Светлов // Христ. чтение. — 1896. — № 7—8. — С. 20—66.
19. *Светлов, П. Я.* Пророческие и вещие сны. Апологетическое исследование в области библейской психологии / П. Я. Светлов. — Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новинского, 1892. — 214 с.

Поступила в редакцию 17.05.2023.